

ТЬМА,

СМОТРИ

НА МЕНЯ

DREAMPLAYER

Расщепление

Игра в реальность

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Илья Соколов

Илья Соколов

Тьма, смотри на меня

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Соколов И.

Тьма, смотри на меня / И. Соколов — «ЛитРес: Самиздат», 2014

В сборнике оказались: киберпанковый нуар «DreamPlayer»; романтическое «Расщепление»; сновидческая в своём безумии «Игра.в.реальность». Сразу три повести, чтобы поразвлечься. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Тьма, смотри на меня	6
DreamPlayer	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

В оформлении обложки использована иллюстрация с horrorzone.ru по лицензии CC0.

Тьма, смотри на меня

DreamPlayer

Макс, Мира, Вета, Кристина и я.

Вот такая команда «ночного кошмара». Команда невидимых снов...

Сегодня ночью Макс (нашему, так сказать, идейному лидеру) приснился разговор по телефону, в котором ему посоветовали забраться на крышу повыше и ждать звездопада, именно днём. Ещё сказали, что надо быть повнимательней с «игроками». И будто необходимо исправить какую-то ошибку нашей реальности. Макс поверил на слово. Голос в трубке во сне заявил: ты не сможешь мне позвонить, для этого слишком темно... продолжай играть, собери своих друзей вместе...

Макс проснулся, как только связь со сном оборвалась.

Он сделал всё, что было сказано: позвал меня и девчонок прогуляться по ближайшей высотке.

– Это слишком странно... как если бы министр рыбной промышленности объявил войну несуществующей стране, – проговорила Мира, обозревая просторы.

Я стоял рядом с ней и чувствовал, что мне становится душно на этой крыше. Солнце ярко ревел жёлтым. Я даже не мог вспомнить, когда мы оказались здесь. Вокруг нас пятерых метался ветер, будто был в незапертой клетке. Очередная звезда ринулась вниз...

Вета, кстати, одета в Платье Мертвой Королевы Галлюцинаций: высокие сапожки, драные колготки, скошенная юбка, мятый жакет на голое тело. Преобладание чёрного цвета в наряде Веты указывает на явное неприятие себя как личности другого человека. Её кроваво-рыжие волосы трепещут на ветру. Кристина (наша милейшая брюнеточка) указывает в сторону нового «осколка неба», чёрной кометой летящего к полосе горизонта.

Станет скоро ничем. Насовсем.

Ветер треплет чёрную мини-юбку Веты. Макс, конечно, нравится такая картинка. Мой взгляд на городские горы. Красавица Мира, просто загадав желание о наборе достаточного количества игровых баллов, согласна всё прекратить... Тогда и мне – не нужно быть.

«Помоги ей, милый Христос... Разбуди меня поскорее...»

Очередной космический «камень» падает вниз... Как же здесь жарко!

Мы не следим за жизнью города вокруг, который будто вымер (мне на пару секунд представляется, что все его жители – вампиры, им необходимо прятаться днём в темноте... и только лишь наша команда «спящих» способна жить прямо под солнцем).

Ещё одна звезда метнулась к горизонту...

На нашу крышу откуда-то свыше брякнулся кирпич. Самый обычный такой кирпич, очень даже себе силикатный.

Мы растерялись, мы посмотрели вверх.

Там только синева небес плюс чёрные родинки (пока что не опавших) звёзд.

– Окажись этот кирпич яблоком, а я – Ньютоном, открыла бы сейчас какой-нибудь важный закон мироздания, – улыбается Мира. Её белые волосы ветер словно не замечает. Макс с иронией говорит: а я бы открыл холодную бутылку хорошего вина... Может, пойдём? Пора возвращаться.

Он указал на выход с крыши: верхушка каменной лестницы, заключённая в четыре стены. Дверь для нас открылась. В её проёме стоит темнота, страшный взгляд которой говорит нам о том, что я уже спятил.

Конечно, нет (я просто слегка перегрелся на солнце)...
Как пришли – так уйдём. Дневной звездопад скоро закончится.
Светила перестанут сыпаться вниз. Темнота уведёт нас отсюда.

Брось в себя камень, начни спор против тела, оставь после смерти меня одного. Дотянешь до тени? Где только лишь тьма.

Я рвусь сквозь ветки, в лесу ютятся мертвецы, падаю в тень, наблюдают, поднялся и дальше иду, мёртвый лес оставляя...

Города под слоем песка. Все пятна вины в безвременье смоем. Уснувшим.

Оплаченный выход на сцену в пустыне. Лето отменили. Зима на всю жизнь...

Теперь я вижу твою настоящую рожу.

Мы очень похожи. ЯР такой же как Мы.

И в детских сердцах есть недостатки: пугливый протест в темноту...

В ней они видят тебя? Ну быть может, за ними сквозь сон смотришь именно ты. А дальше залезешь на холм (везде очень тихо) и оглядишься...

Вид мёртвого леса кругом. Он – игра через сон.

н0ль. И времени нет...

Вы останетесь здесь навсегда?

!Да! |Никогда!

Я проснулся минут пять назад. Устал во сне ещё больше. С таким же успехом можно было вообще не ложиться... Иду умываться. Пью кофе (почти получилось взбодриться). Смотрю в окно с высоты 2-ого с половиной этажа: внизу – наша компания: Мира, Вета, Макс, Кристина. Как будто ждали, что проснусь. Сейчас оденусь, выйду к ним...

На лестнице мне повстречались две крысы в серых масках белых акул.

Чудесные твари. Они мирно беседовали между собой... Я осторожно и почтительно переступаю через них. Крысы не обращают на меня никакого внимания, продолжают рассуждать о виртуальных играх в политику.

Обернувшись у дверей, я отчётливо понимаю, что всё это мне просто показалось...

– Я убью тебя, Нео! – орёт Макс, изображая выстрел из пистолета кистью правой руки. Предполагаемые пули летят прямо в меня, а я изо всех сил пытаюсь увернуться, отклонившись назад (сейчас я – главный герой «Матрицы»).

Совсем забыл сказать, Максус снова звонили во сне...

Мы показываем эту шутейную сценку в магазине, где полно народу.

...На этот раз ему сообщили, что среди нас существуют постоянные системные единицы. Они (вроде как) всегда уверены в себе, ведь их у себя, в общем-то, нет...

Напуганные таким поведением люди: стараются не глядеть в нашу сторону. Жаль. Для них же показываем.

Те, которые видели фильм – смеются.

...голос во сне поведал: единицы просто перемещаются в видимом тебе пространстве (словно фигуры по шахматной доске), порой пытаются толкнуть тебя плечом, а чаще – просто не обращают на тебя никакого внимания, после чего...

Мы с Максом, радостные, что представление удалось, выходим из магазина.

...исчезают где-нибудь за углом.

Единственная проблема таких единиц (говорит мне Макс доверительно) в том, что они никогда не играют... Так уж устроена для них реальность.

Проходя вперёд по летней улице я отмечаю с чувством скорбной зависти вот такой факт: Макс всегда необычно одет.

Это всё его игрок. И откуда он знает нужные коды!?

Обычно мой игрок – совершенно без фантазии...

Сегодня Макса одели в килт (чёрно-жёлтая крупная клетка), рваные кеды и чёрный пиджак на белую майку. На башке: шапка с крестом.

Ну и вид у моего друга... Мира с Кристиной тоже хороши, на них приятно посмотреть. А вот я и Вета обычно выглядим непрезентабельно (в лучшем случае – просто странно).

Сегодня Вета одета в любимое её секс-милитари: облегающая куртка цвета хаки с двумя большими карманами на груди; под ней бледно-зелёный топик с фигурной надписью «MAX»; свободная юбка в форме перевернутой буквы V, обрывающаяся чуть выше колен; надпись маркером «Это протез!» на левой ноге; зелёные кеды с жёлтыми шнурками, значащие мировой беспорядок и единение с тишиной.

Весь этот дешёвый «камуфляж» очень идёт Вете (он ей под цвет глаз).

Тёмно-красные кровь-волосы забраны в хвост. Интересно, а трусики у неё какого цвета? Я цепко хватаю край её юбки и дёргаю вверх.

Вета оборачивается ко мне: весёлый огонёк зелёных глаз, затмит любую красоту, которую ты видел. Полные поцелуев губы обиженно поджаты нежно-розовой помадой. Кокетливо мне подмигнула. А трусики она вообще сегодня не надела.

Шагов через девять меня больно толкает плечом какой-то рослый парень (наверное, один из этих системных)... Макс весело бредёт рядом с Кристиной, та выбирает подходящее помещение для нашей новой сценки.

Кстати, Кристина – очень жгучая брюнетка. Красива и стройна.

Приглядишься к ней, если вдруг встретишь...

Макс всегда был влюблён в нежность её характера.

Ну а мне нравится родинка у неё на лице.

Видимо, мной часто играет какой-то закомплексованный неудачник, остро переживающий собственное уродство. Он-то и вынуждает меня носить мою маску...

– Вот этот! – указывает Мира на дверь цветочного магазина.

Мёртвые цветы. Отличное развлечение сейчас начнётся.

Макс заходит и покорно встаёт на колени. На лице отрешённая улыбка будущего покойника. Руки – за спину.

Я выхожу в центр круглого зала, направляю в голову Джона Доу воображаемый пистолет. Я спокоен, но не надолго.

Кристина встаёт рядом, в окружение венков и букетов.

Джон Доу, Дэвид Миллс и Уильям Саммерсет: герои фильма «se7en».

Продавщицы отъявленно недоумевают.

– Убей меня... Стреляй... – просит Джон Доу. Детектив Миллс начинает нервно сдерживать слёзы и целиться в убийцу своей жены Трейси.

– Дэвид... – взывает к долгу офицера полиции напарник Саммерсет. – Если ты его убьёшь – он победил...

Беспокойство мерцает у него на лице. Доу выиграл в игре...

Миллс стреляет ему в голову с близкого расстояния.

Джон Доу валится на спину, удерживая мякотью мозгов свою последнюю пулю. Когда мы выбежали из «цветника», Мира и Вета нам аплодировали.

Я запомнил счастье их красивых улыбок, радость Окончания Сцены.

Он играет мной, опять...

Очередной «Иисус» ещё не мёртв.

Искусственные стигматы на Его механических ладонях. Просто чёрные дыры для этого Света. Они – точно бесконечные отражения одного человека.

Смерть 3215-го Спасителя близка... И нет Ему спасенья.

Он вдруг победно поднимает голову. Спокойным взглядом электронного мертвеца глядит на своих мучителей. Учёные напуганы. В Его глазах – ни капли жалости. Лабораторные лампы тревожно искрятся. Темнота ждёт в каждой из них.

– Что за чертовщина! – На ладонь ближнего сотрудника упала капля. Красный цвет.

– Это уже не игрушки, у него идёт настоящая кровь! Прекратите эксперимент!

«Иисус» улыбается своему счастью.

Прости. Стигматы смотрят темнотой. Прощай...

Но Он, конечно же, не мёртв. Как, впрочем, и не жив.

Ошалелые лаборанты снимают Спасителя (экспериментальная модель № 3215) с креста, Он завершил свою миссию.

– Это прорыв, коллега! Поздравляю... Опытный материал практически достиг 90%-ого уровня смертности. Благослови нас Боже!

Крест пуст, но ненадолго. Следующий объект – номер 3216... «Если бы вы были от мира, то мир любил бы своё; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир».

Все демоны в Аду режут нестройным хором.

Он мной играет, знаю...

Я оказался {внутри}? За пределами мира? Вышел на уровень сна...

Опавшие листвой разошедшие ветви.

Старое дерево неизвестного вида посреди чёрной пустыни.

Одно на миллионы миль вокруг. Дотронься взглядом, как невидимой рукой.

Забудь об истинной реальности, мой друг...

Глядит в темнеющую даль, лежит в листве под деревом Химера.

Из глубины небес – ночная чернота, над пустошью слетелась вихрем мгла.

По выжженной земле, по венам-трещинам, ведомая Случайностью Судьбы, к невиданному дереву идёт Химера-2. Подобный грому грозный шаг.

Химера мрачно поднялась, прочь от неё развеял листья ветер-враг.

Психо-война несуществующих теней. Безначальная, но и бесконечная...

Ушли давно (не)наши времена – для них за этот миг ничто не изменилось: друг против друга, Химера и Химера-2 у дерева того кружатся в вечной ночи.

В глазах врага желает каждая увидеть первородный страх.

А видит только собственное отражение...

Роговая оболочка бесит Сатану

Стекловидное тело кружит светом во тьму

Сетка клетки Сосудистая склера

Дождь и радужная сфера

Две разные, но очень похожие половины единого целого.

Левая и Правая, как рога Дьявола.

Потерянный в слабом рассвете сон, где Ты, Она и Он доезжаете до длиннейшего моста через реку, а на его поверхности разлито зеркало воды.

Она ныряет первой, с Ним вы за Ней. Вода такая вязкая, будто болотный мёд. И вы плывёте по мосту, как в ощущениях последнего кошмара.

Сначала Она понимает, что не доплыть. Потом и вы уже готовы повернуть.

На середине мостовой реки Он-Ты-Она глядите молча друг на друга.

Прозрачная вода: в ней нет течения, подобно вам – недвижима.

По берегам большой реки обычный летний лес. Повернув назад и с трудом доплыв до такого далёкого края моста|начала суши, вы прекрасно помните о том, что эта планета ваша, только ваша, абсолютно постоянно ваша, целиком.

Почему-то именно у Тебя Она спрашивает, почти шутя:

– Как получилось, что мы втроём теперь всегда одни?

Но не получит от Тебя ответа.

Ты лишь мотаешь головой, себя талантливо расписывая в своём незнании нелепыми мазками. Внутри насмешки Её глаз Ты всё же различаешь свою глупость. Зато вот Он готов ответить Ей:

– Радиопассивная+видеоактивная химия химеры, рекомбинация забытой схемы. Теперь ты вспомнила? Теперь ты понимаешь – где мы?

В чьей-то роговой оболочке...

Как на показ перед приговорёнными выстроились цепью. Убийцы-инквизиторы. Безмерной ненавистью к еретикам у каждого глаза защиты.

В руках по факелу: во мраке жаркой ночи пылают очищения цветы. Неярко, тускло...

– Эти пятеро, – указав на неугодных, он обращается к толпе. – Признались в ереси, продажи души и личной беседе с самим Князем Тьмы на богохульные темы...

– Они всего лишь дети!

– Вовсе нет! Они обманывают вас своим безвинным внешним видом! – Он замотал монашью головой как одержимый, казалось из толпы, что огонь на факеле забился ярче в злобе. – Внутри они чернее адских впадин! Коль мы их средь себя оставим – то превратят потомков наших в слуг себе и Господину своему.

– Так сжечь их!

Тащат к будущему пепелищу вязанки дров. И шёпот липнет по толпе:

– Из дерева невиданного вида им костерок-то разведут...

Огонь... Уж к пальцам ног; смиряющие рубища нахально манят пламя...

Тот, что с толпою говорил, священник главный, от казни в стороне стоит, не смотрит. Внезапная улыбка – холодный лунный шрам. Насмешливый взгляд Дьявола из черноты его зрачков.

И в тот же миг – пять полыхающих ракет взлетают в небо ночи.

Ещё лишь пару панических воплей из рассыпающейся толпы, как удалившиеся «факелы» игриво превратились в звёзды. Средневековые космические пули....

– Эти пятеро:: шипящий плевков в костёр колдунов и ведьм.

Макс убирает от тебя «бинокль» Машины Снов. Вы в старом заброшенном подвале. Или это чердак?

– Мы, как они, становимся всё больше похожими на свою смерть, – говорит Макс, простодушно улыбаясь. А тебе бы ещё хоть разок заглянуть в неё, Машину Снов...

Эта странная машина ваша, только ваша, абсолютно постоянно ваша, целиком. Она всегда здесь была и всегда здесь будет.

С помощью скорости тьмы Машина Снов покажет всё самое забытое, что есть в тебе, но чем ты не владеешь.

Успех – Свобода – Красота... Для каждого своё мистическое Счастье.

Всего лишь сон, за который себя в Беспмятство отдать не жалко.

Кривая ухмылочка Макса:

– Не давай свою душу – хоть плоть.

Вы вдвоём в этом грязном подвале, где кто-то когда-то оставил Человечеству суицидальное устройство самообмана.

Пора уходить. Кристина и Мира давно ждут вас.

Последний раз посмотрев на Машину Снов, медленно двигаясь за Максом сквозь пыльную тьму, ты наконец-то понимаешь:

Он прав... Наша смерть похожа на нас.

02ч3ен1ь4.

Ночь.

Труп стал совсем дурно пахнуть. Невозможно жить, если от тебя постоянно такой аромат. Строго противопоказано.

Он, кстати, сидит между нами. Как вездесущая тьма.

Я – слева. Макс – справа. От трупа. Не слышно ни звука вокруг.

«Плечом к плечу, они сидели насмерть...»

Мертвец смотрит то на меня, то на Макса.

Ты – это он, а он – это я... Кто-то здесь запутался в собственной жизни?

Все мы видим играющие «пиксели» в темноте. Хаотичный цифровой код формирует пространство.

Можно видеть с закрытыми глазами, утверждает Макс. Такая способность мозга называется эфировидением. Макс же именуется это «Видеть невидимое».

Я, конечно же, не вижу, кто им сейчас играет. Интересно...

Вне зависимости от точек зрения: ВСЁ – это ЭФИР. Он повсюду и нигде.

В холодильнике, в телевизоре, в телефоне, в мониторах компьютеров, в проёмах тёмных окон, в чужих гробах и книгах, внутри(и)снаружи твоей головы. В прошлом, в будущем, в настоящем.

Э Ф И Р... *эфир*... ЭфиР...

Мы втроём сидим на диванчике в квартире Макса. Луна деликатно заглядывает внутрь комнаты через приоткрытую балконную дверь. Жёлтая тряпка в роли шторы как обычно слегка откинута.

У Макса (кстати) – «ушки кошки». Это такая причёска.

Макс называет её просто – «сова».

Его тёмные волосы подняты вверх с ▲двух▲ сторон почти на затылке.

Слева и справа от темени. По мне, так это простая растрёпанность.

На нём синие джинсы и чёрная куртка, в карманах которой он словно пытается уместить параллельный мир – столько там всякого хлама.

У Макса сине-карие глаза. А ещё есть татуировка. Красивый чёрный крест во всю грудь, которую сейчас скрывает жёлтая футболка. Напряги зрение, и прочтёшь на ней надпись: «DreamPlayer».

Вся жизнь – потеря времени перед смертью, говорит Макс в темноту.

Кстати, сколько время? Спрашиваю я. Вопрос неуверенно тает эфиром.

У Макса все часы в доме идут по-разному.

8:00. 5:23. 19:17. Утро. Ночь. День.

Ну и где же мы? В каком времени замерли?

Не волнуйся... мы в самом низу этой кучи из дерьма и так далее...

Говорит мне Макс. Я многозначительно вздыхаю.

Улетает вдаль очередной момент-невидимка. В это время к нам троим заходит Мира. Настоящий ангел-блондинка с голубыми глазами.

Она, кстати, прекрасна. И почему-то она решила раздеться.

Этакая богиня Свободы–Распушенности, слетевшая с небес, потому что её турнули оттуда за разврат.

Абсолютно голая... Идеальная безупречность женского разума.

Где Кристина? Спрашиваю я ласково.

Ответ: Кристина спит.

Мира прильнула грудью к стене. Повернув слегка голову, игриво облизнула свои сладкие губы. С неприкрытым интересом смотрит на меня.

Я проявляюсь сквозь эфир в её глазах. Пытаюсь понять её чувства. Невидимо пронзаю взглядом. Делаю вид, будто жадно трогаю её мысли.

Макс глядит на её задницу. Отворачивается и весело улыбается.

Что можно сделать с трупом? Спрашивает Макс у нас обоих (а может, и у трупа тоже).

Можно вести учёт ему подобных, отвечает Мира, немного подумав. Тогда пусть этот будет под номером 3216... Труп можно оживить; можно снимать в массовке фильма про зомби; использовать вместо манекена; им можно пугать живых, таская за собой на тележке по супермаркетам и ресторанам; можно применять как рвотное; в конце концов труп можно просто похоронить или использовать в какой-нибудь книге как героя главы...

Я молча дотягиваюсь до магнитофона. В слове «SONY» на его чёрном корпусе замазана буква Y. Я включаю радио. Кручу колесо поиска станций. На 66,6 MW натываюсь на жуткие (лезвием по железным венам) звуки.

Мира садится на корточки, сложив пальцы рук в «замок». Магически красива в лунном свете. Она безучастно глядит в потолок. Я выключаю радио.

Тёмная тишина окутала нас. Всё по-прежнему...

Я бы не хотел попасть в Ад, если там всё время такое крутят, смеётся Макс.

Он говорит: я знаю весёленькую историю: на одной с нами планете жили люди, которые верили в то, что они пришельцы из другого мира. Они якобы могли поддерживать связь со своим «родным» миром при помощи снов. Оттуда они черпали важные идеи и нужную информацию о будущем. Эти особенные люди были вполне довольны своей жизнью, хотя и пребывали всё время в психушке...

Очень мило, произносит Мира. Макс улыбается ещё веселей.

Мира обнажённо проходит мимо нас к подоконнику. Там стоит старый монохромный телевизор. Она его, конечно же, включает (Однажды Макс попытался заговорить телевизор, чтобы тот не показывал ему рекламу. Когда у него ничего не вышло, Макс просто перерезал шнур).

В свете этих событий кинескоп начал показывать какой-то вакуум.

Хоть Мира и переключала на следующий-следующий-и следующий канал – пустая темнота теней в экране единственный сигнал.

– Вы обо мне забыли, – говорит вдруг труп скрипучим голосом. – Вы убиваете меня тем, что не даёте снова умереть...

Мертвец замолк. А мы о нём действительно совсем забыли.

Мира настойчиво подошла к балконной двери.

Макс уже понял. Он хватается за руки, а я – за ноги. Этот мертвец, оказывается, довольно лёгкий. Мы проворно тащим его на балкон.

Он спокойный, не сопротивляется. Покойник перекидывается через перила.

Его руки свисают вверх, к земле...

Мы хватаем труп за ноги. Я – за левую. Макс – за правую.

И выбрасываем его с высоты 5-ого этажа.

Кокон мумии фараона. Бабочка, лети!

...Гулкий удар внизу возвещает благополучное приземление нашего ночного гостя. Теперь он точно «оживёт» отсюда. Жаль, что Вета этого не видела.

Вету застрелили из игрушечного ружья сегодня в парке.

Круглой пластиковой пулькой.

Обычный чёрный шарик в голове... Вета.

После этого она почти сразу и проснулась. Её здесь больше нет...

Теперь яR чувствую гораздо больше смерти в нашей реальности.

Вету сюда уже не вернуть. Макс же по этому поводу сказал: это всего лишь Игра. Что тут поделаешь... В сценарии этого не было...

Мы уходим с балкона. Макс и Мира сели на диванчик. Я тоже – между ними.

Темнота всегда здесь. Рядом с нами, вокруг, внутри нас. А мы видим то, что на свету всегда останется невидимым. Мельчайшие частицы тьмы.

Они переливаются, мерцают, натываются друг на друга.

Атомная хаотичность графических комбинаций.

Формирование общей картинки. Не засвеченная плёнка. Загадочная ночь.

Для нас как будто бы не остаётся будущего.

Глаза обманывают. Я вижу это.

Память обманчива. Я это помню.

Я медленно поднимаюсь, сообщаю, что у меня дела и я должен идти.

Знаю я твои дела, говорит Мира слегка насмешливо. Ты носишь имя, будто жив, но ты мёртв... (Откуда же она вычитала эту фразу?) Лучше проводи меня до набережной и назад, требует она вкрадчивым голосом.

Я ей говорю: я не могу... Мне надо воскрешать Брежнева...

Макс, смеясь, уходит в соседнюю комнату.

Там на кровати спит Кристина. Она застенчиво одета.

Макс тихонько ложится рядом с ней, нежной рукой обнимает за талию, целует в щёчку. Кристина улыбается в красивом сне...

Мира уже надела трусики. Теперь она натягивает блузку. Передумав, снимает её и бросает на пол. Я слежу за тем, как Мира одевает красную футболку, а дальше – бежевую мини-юбку. На ногах – босоножки...

Всегда хотел, чтоб девушки при мне красиво, эротично раздевались, а получается пока наоборот.

Потом Мира буквально вытаскивает меня на площадку перед входной дверью. Мы не стали её закрывать.

Вызванный лифт раздвоил свои двери, заботливо приглашая нас прокатиться. На пути к 1-му этажу он благополучно застрял.

Свет внутри кабины погас. Темнота добралась и сюда.

Неловкое молчанье нарушила она:

– Вот отлично! Ты, случаем, не этого хотел?

Секс-нотки голоса красоты.

Мира прижалась ко мне. Её губы мягко коснулись моей щеки, прилепились к моим (точный выстрел, подробно видимый через прицел), плавно скользнули вниз, к шее (вампирки сладостный укус)...

Я обнимал Миру, сжимаясь вокруг неё всё сильнее.

Плоть к плоти. К праху прах.

Но кто-то ещё был рядом, во тьме. Я присмотрелся сквозь странный испуг... Конечно же, она!

Моя щека упиралась в Мирину щёку. А возле нас, прислонившись к панели с кнопками, спокойненько стояла Вета. Смешливый взгляд весёлых глаз. Видение «загробно» изучало нас.

Страх стукнул по сердцу. Я крепко сомкнул веки.

И с закрытыми глазами можно видеть, утверждает Макс.

Видеть можно даже с открытыми глазами...

Вслепую я целую Миру. Не хочу, не могу её видеть...

Но вот мои глаза открыты. Вета подмигнула мне и растворилась во тьме.

Мира почему-то печально улыбается. Я гляжу на неё.

Шёпотом она говорит: жаль, что Вета не видела это.

Один|Больш|Ноль... Прямое попадание в Нирвану, закрытое пространство памяти, которая затаилась за каждым могильным камнем.

Мозговой вихрь натягивает твои паруса, ты дремлешь, но живёшь как на скалах, но не прикован за похищенное пламя, а свободен своим скучным одиночеством.

Вокруг тебя пустыня.

Настоящее сияющее море песка. Ступаешь сквозь память, идёшь и идёшь, и вдруг понимаешь, что ходишь по кругу, вдоль душного тела столба.

Закрытое пространство.

Ступаешь тоскливо – внутри за пределами мира.

Ни света, ни тьмы. Лишь вязкий песок. Он набился в кроссовки, зарылся в карманы, стал почти твоим продолженьем.

Скоро тебя заместит.

Не к тебе тянутся пальцы кошмара, не тебя преследуют забытые сны.

За тобой не следят дыры глаз бесконечной тоски. Ты умер.

И ты веселишься в Нирване...

Жизнь зародилась в аду. Тёплый климат благоприятно повлиял.

Первобытный адский огонь и сейчас помогает нам выжить.

Но так как (как так) **жизнь** за(у)родилась в воде, можно буквально из ничего сделать очень смелый вывод: человечество изначально настроено **против** существования (и своего, и общего).

Люди природой обречены пере(жи(же)вать себя и на себя похожих.

Планета абсолютного уничтожения, на которой **равно** рухнули все Вавилонские башни.

Здесь явно все что-то скрывают.

Я сплю тебя наяву – Явь слепо смотрит во тьму...

Даже не пробуй читать меня, ты даже не пытайся...

Синий винил нашей вены – игла замерла на последнем кругу.

Это Ад, в котором ЯР тебя Опять забываю.

Человек течёт...

Если спился – его отпели. Пространство зарыто и крышка закрыта.

В начале человек – ребёнок, а уже потом – будущий труп.

Для таких вот, как **ТЫ** в прошлом станет существовать детский _ад: пришивание себя к другому малышу (круг детей для прогулки во дворе обязателен); стоп-час (голову вверх, глаза в одну точку – кружишься на месте, пока тебя не вырвет); обед в столовой за круглыми столиками не состоится, если один из малышей (хотя бы и ты) не «пожелает всем приятного аппетита» (то есть – наложит в штаны в присутствии всех); из игр выделяется так называемый «робот» (одного из детей младшей группы обступают кольцом и начинают кидать в него пластиком {не всегда острым}, используя максимальное количество попыток, во время которых «избранный» должен сохранять кибернетическое бесчувствие, но если от боли он всё-таки закричит – обиженный таким к себе отношением, демон-воспитатель накажет его)...

Вода с неба хлынула освежающим душем.

Бог с листьев смывает свой текст.

Тёплое послевкусье безумной весны.

Бойцовые цветы, пыльца, душистый Яд.

Кто-то в зеркале крепко сжимает ружьё обеими руками.

Оба дула направлены в одну сторону. В нигде никогда.

Кто-то слышит глухой щелчок курка!

Грохот выстрела отскочил к потолку, упал на кафель и растаял в воздухе.

Осколки зеркала посыпались в умывальник.

Я проснулся в чьём-то холодном поту... С ощущением ледяного огня внутри своей черепашки...

Рядом мирно спит Мира. А летняя ночь словно застыла на середине.

Следующим утром на кухне у Макса наша «команда ужасных кошмаров» собралась воедино. Кристина заварила всем кофе (хотя я был не прочь выпить чего-нибудь покрепче). Состояние моё заметно улучшила новость: Макс опять говорил по телефону во сне. Он не поведал, о чём именно, зато заверил – нас ждёт новое незабываемое приключение...

Мира с Кристиной радостно переглядывались, попивая кофе. Макс вообще выглядел так, будто он – главный герой фильма про гения с другой планеты. Я же не разделял их оптимизма. Новая заварушка в Игре. Только себе жизнь усложнять... Макс сразу понял мой настрой: не будь таким скучным. Мы же играем для удовольствия, а не потому, что выбора нет...

Я безысходно поставил кружку на стол.

Весь остальной день прошёл в прямом смысле во сне (Макс сыпанул в кофейник немалую дозу снотворного; и выпил его вместе со всеми).

На наши вопросы сказал, усмехаясь: это была вынужденная необходимость.

А дальше – мы «вымелись» на улицу, где ночь и жарко.

Макс ведёт нас. Куда? Я даже не знаю... Разговоры по телефону во сне, максимальная уверенность в себе, коды на деньги плюс потрясные шмотки...

Мы потеряли Вету, ну а ему как будто наплевать на это!

Макс, словно читая мои мысли, оборачивается и улыбается мне самой своей красивой улыбкой... Я стыдливо отвожу глаза, пытаюсь просто следить за дорогой. Макс говорит:

Закрученность закатов... Перемена мест... Поезд-пуля... Я еду...

Мальчик растил акулу, а когда она подросла так, что аквариум был мал для неё – выпустил в море... Через неделю он утонул. (На теле обнаружены многочисленные укусы...) Та самая {его} акула сделала так, что он уже никогда не вырастет...

Череда высоких башен... Мимо: я иду... Пыль падает в проёмы подвалов... Красота чёрных красок... Мясо мёртвых и мухи... Холодный каменный зал для зеркал... Алкогольный выплеск комфорта... В соседней кабинке огромный член льёт из атрофированной человеческой головы...

Статичная пустошь... Ищем на кухне сахар с девушкой по кличке Сахар... Amor(,) mi solo... Голос, измазанный мёдом... «Ты меня только не съешь...»: Чужая шипит – она сверху... Инструкция по эксплуатации отражения... Ласково шепчет «Ночь вечна»... Забытый уборщиком дурдома вампирский ожог жил на стене красивой кляксой... Телесная окись, оставленная следом за жгучим поцелуем света... Твоё лицо отлично смотрится на мне...

Одинокие поля Господни... Внутри вихря – палые листья: очерчен циферблат... Стёртая желтизна неба... Снег изображает песок...

Парень, похожий на меня почти так же сильно, словно я – это ты... Бредёт сквозь коридоры... Веснушки увядших цветов... Без всплеска дверь... Она разбудила себя, чтобы закинуться снотворным... Наша материя пропадает за временем... Парень, похожий на тебя так, словно он – это я: эпилепсия залита в мозг... Пропавший альманах скользит за Бесконечность... «Поцелуй» – стираемая надпись на щеке... Места изменчивы... Восходы вдоль других земель...

. . . Макс замолкает. Мы без удивленья смотрим на него. Знаем, он и не такое может придумать (если настроение есть).

Макс, не сбавляя шага, ведёт нас в новый «сон»... Кристина ласково чмокает его в щёку. Сплошной тестостерон, смешно смотреть...

Насмотревшись сине-карих звёзд его весёлых глаз, она отворачивается – безопасно изучает небо ночи.

Через забор из китовой кожи я перелезал последним. Кристине с Мирой помогал Макс, умело переправившись на ту сторону первым.

Изгородь не была высокой, примерно в метр, но странная сила гравитации при переходе создавала какую-то обратную тягу, словно воздух выталкивал тебя.

Мне трудно лезть вперёд по эпидермису кита уж только оттого, что мне никто не помогает. Мои друзья стоят и смотрят по сторонам (туда, где медленно плывёт седой туман, заманчиво переливаясь).

Наконец-то Мира втянула меня за руку. Я здесь, со всеми.

Воздух вокруг холодный, вязкий, вот-вот тебя обнимет – станет погружать во мрак земли. Никто и поглазеть на это действие не успеет.

А в действительности плюс реальности мы в месте, где страшные картинки ты воплощаешь для себя как в детской книжке-раскраске.

– Мы здесь зачем?

Мой беспокойный взгляд замер на Максе, и я боюсь, что он сейчас увидит – мы ещё внутри не попали, а мне уже смертельно страшно...

Кристина кричит. Я дёргаюсь от резкого звука. Всё!

Макс спокоен. Кристи почему-то смущённо улыбается вместо того, чтобы просто понять – нужно бежать отсюда подальше.

Мира показывает в сторону ползущих по тёмной траве наручных часов.

Металлические хвосты ремешков угрожающе приподняты, готовые жалить меня и моих друзей. Мерзкий электрический хруст живого железа. Неотвратимые стрелки внутри прозрачной головы.

Макс не даёт нам вконец закаменеть от необычных впечатлений.

Со словами «Идите за мной...» он уверенно ведёт нас в обход от ползущих часов к дверям отеля.

Громада заброшенного здания, как утверждает справочник психических заболеваний (однажды найденный Максом на кладбище), существовала задолго до появления объективной реальности. Возможно, мы проникли в самое древнее место Небытия.

А может, просто пробрались ночью на старую стройку.

Туман проделал замысловатый млечный путь, сопровождая нас. Пару раз он даже пытался погладить Миру по голове, проявляя особенное любопытство по всей (не)видимости именно к блондинкам.

Минуя как будто бы 616 лет статичного пути, мы добрались до входа.

Туман нас обступил стеной, сжимая полукруг – могильная река без брода.

Попади в такой – будешь хоть вечность в нём блуждать, а никого кроме себя, отчаянья и смерти не отыщешь.

– Нужно быстрее открыть двери!

Кристина наконец-то осознала весь ужас нашего незавидного положения. Мы с Мирой тоже напуганы дальше некуда (к Максy это вообще никак не относится – он неспешно пытается читать какие-то значки на осколке скалы, используемом здесь в качестве ручки).

Я замечаю, что из глубины тумана вылезают раскалённые холодом иглы. Миллионы множеств ледяных укулов – верный билет болевого шока в чертог Старухи С Косой.

В этот жуткий момент (не стал бы он последним самым) я всё-таки услышал его полный радости открытия голос:

– Эту дверь нельзя открыть! Она сама тебя откроет...

Мира отчаянно толкает упрямый холод входа. Я и Кристина пробуем помочь, но ничего не происходит. Дверь без движения, а вот игольчатый туман всё ближе...

Макс ни черта не делает, просто расслабленно прислонившись к проклятой двери спиной, насмешливо любитесь нашими потугами спастись.

– Макс! Помоги нам! – ору я ему, а он, абсолютно не обращая внимания на туман, начинает объяснять смысл символов: чтобы войти, достаточно произнести слово, обозначающее инструмент произношения слов.

Наша блондинка Мира даже рот открыла от растерянности... Как всё это, оказывается, просто.

Макс, по-прежнему посмеиваясь над нашей глупой пугливостью, пригнулся к выступу дверной скалы, прикрыл свой рот от нас ладонью и прошептал входное слово уху в камне.

Я только сейчас заметил, что бесшумно разъезжающиеся вовнутрь двери отлиты целиком из снега. Причём одна половина чёрная, другая – белая.

Ну вот мы и вошли в отель.

Гостиница для мертвецов. Так именуют это место.

Пока мы шли сюда по городу, Макс рассказал, что это заброшенное здание на окраине пользуется не самой лестной славой. Во-первых, никто не знал тех людей, которые хотя бы знали слухи о том, когда оно здесь появилось. Кто-то думал, что эта постройка – вечна, а кто-то полагал, что все истории о привидениях, демонах, ведьмах, куклах-убийцах, летающих чудовищах и машинах смерти, связанные с загадочным отелем – всего лишь газетные байки для дураков.

Во-вторых, сие здание уходит напрямиком в космическое небо.

В самом прямом смысле.

Оно в 666 этажей. Почти 2000 метров.

Правда, снаружи гостиница выглядит тринадцатипятиэтажной. Но 22-хминутная поездка в лифте на крышу рушит иллюзию ложной высоты, развеивая её по ледяному ветру.

В-третьих, отель стоит в самом начале Self Street и является на ней первой постройкой. А в-четвёртых, мы вчетвером нерешительно замерли в мерцающем сумраке холла...

Длинный тёмный коридор уходил влево и вправо от центрального входа. В дверь каждого номера смотрел холодный свет Луны, проникавший через грязные стёкла полуразбитых окон. По обе стороны от пыльной стойки портье располагались лифты-близнецы (два слева и два справа), а между ними карабкались скалистые уступы лестниц, инеем своей прозрачности напоминавшие застывший водопад.

– Мрачновато, – Мира прижалась к Кристине, будто пытаясь согреться после встречи с опасным туманом. Я, как и девчонки, был всё ещё напуган.

Макс же решил не медлить с осмотром помещений. Перво-наперво он явил из внутреннего кармана своей куртки чёрную маску, которая позволяла ему отлично видеть в любой тьме, и начал аккуратно надевать. Справившись с её застёжками, демонстративно повернулся к нам. Вместо лица – красивое бесформенное нечто.

Маска Темноты Макса.

Как чёрная кошка в тёмной комнате. Кошка, которой нет.

Не знаю, где он взял эту вещь, но чувствую, она нам сильно пригодится.

– Да... Теперь мы в безопасности, – скептический голос Миры.

Кристина «отлепилась» от подруги, схватила Макса за рукав и потянула к страшноватой стойке. Повертев башкой во все стороны, Кот Темноты сообщил, что на стене перед нами висят огромные часы в виде открытого глаза. Над ними восемь букв, дающих имя месту.

Ice Hotel.

Зеленоватые обои с крестами тёмно-жёлтых роз. Левее телефонного разъёма прилипла надпись «{холепра}», давно забытая здесь кем-то.

Интересно, он всё это сам придумал, или там действительно что-то есть?

Я ничего не видел кроме тьмы. Мира, похоже – тоже.

– Может, проще было бы взять фонарик? – Спросила она, обращаясь больше ко мне, чем к Максусу. Ответил всё же он:

– С фонарём нас заметят гораздо быстрее.

Чудно... Меня, конечно, успокоили его слова.

Пока мы приглушённо беседовали, Кристина смотрелась в огромное зеркало на стене слева от нас. Точно видела впервые.

На ней (в отличие от «привычно-игровой» одежды) сегодня красные кроссовки, небесно-изумрудные чулки и облегающее/обжигающее платье, оформленное в половину свадебными кружевами облаков, а в половину под холодеющий металл кольчуги.

В блестяще-чёрных волосах заплетена золотая лента.

Налюбовавшись в отблесках Луны собой, Кристина приблизилась к Максиму, который продолжал рассматривать «слепую» стену, и (приобняв его) настойчиво проговорила:

– Зачем мы здесь?

Тогда-то наш друг наконец объяснил, что во сне ему было указано на это место, что мы должны пробраться ночью внутрь отеля и оказаться в определённом номере, где станет ясно, чего нам ждать от Смерти дальше.

Во всяком случае – мы здесь из-за чьего-то сна...

От нас так и разит безумьем...

– Каждый едет наверх в своём лифте, – «сестра тумана» Мира уже жмёт кнопку «вызов».

Ответом ей – недвижимая тишина.

– Тогда по лестнице. – Кристина.

Я говорю: я – за.

– А я категорически за «не против», – улыбается Макс сквозь маску.

Мира осторожно движется по скользким ступенькам (самый левый лестничный подъём неплохо виден в лунном свете), Кристина сжимает руку Максима – вдвоём идут за ней. Я же карабкаюсь самым последним. Опять и снова.

Что-то проворно скользнуло мне по плечу!

Чья-то ладонь из тьмы задела меня... Позади кто-то есть. Кто-то пятый.

Я глупо вскрикнул и побежал...

Рывок вверх..Пустое окно прямо передо мной..Быстрый выстрел поворота пыльных перил..Осколки ступеней как лунные шрамы..Никого рядом..Повсюду темнота...

Первое, что услышал – встревоженный голос Максима:

– Ты чего?

– Там кто-то был... Нас сейчас... Пора сваливать!

Кристина заглядывает мне в глаза. Она мне явно не верит:

– Ты пошутил? Признайся!

Макс в маске внимательно изучает новый коридор и преодоленные нами пролёты лестниц. Его «эфирный» взгляд (который видит всё), конечно, никого не видит.

А «я же, как говорят, сошел с ума и теперь живу подаянием.

А кенарь больше не поет, уж это точно...» (*Лотреамон «Песни Мальдорора». Перевод: Н. Мавлевич*)

Успокоившись с перевесом чувства вины, я списал всё на страх. Хотя Мира, скорее всего, уже считает меня трусом. Даже если мне и вправду показалось...

Благодаря моей попытке уйти от невидимой погони, мы очень быстро оказались на третьем этаже. Макс с серьёзным видом поведал, что именно здесь надо искать «нужный номер».

Я и девчонки неспешно двигались за ним сквозь мрачный лабиринт гостиничного коридора. Ледяной ветер игриво шелестел обрывками обоев, словно хотел (обнажив старые стены) содрать занавес ужаса перед нами.

Неприятное ощущение холода на затылке скатилось к шее. Мне снова стало страшно, и я буквально «вмёрз» между Кристиной и Мирой.

Макс внезапно замер напротив тёмного предмета на стене.

От неожиданности я запнулся о Мирину ногу, чуть не упав.

– Что там? – Кристина вглядывалась в чёрное нечто.

– Это картина, – разъяснил нам Парень-Темнота. – Странное полотно из пленков, по задумке автора воплотившее его представление о политической абсорбции.

– Возьмём её с собой?

– Нет. Лучше просто пойдём дальше... Мы же здесь не ради неё.

В этот момент я думаю о том, как бы не встретить снова тот страшный туман, ползущих на чужеродное тепло человеческого тела часов и того, кто до меня дотронулся. Я спрашиваю: а как мы отсюда будем выходить? Не через главные, надеюсь, двери?

Макс оборачивается и отвечает, что главный вход мы уже не откроем, даже если сильно захотим (он открывается только снаружи), но мы можем попробовать уйти через чёрный, если успеем его найти прежде, чем найдут нас. Я ему говорю: да нас уже нашли!

Но Макс ничего не отвечает и крадучись идёт вперёд, зато вот Мира трепетно требует, чтоб я заткнулся.

Тут я понимаю, что иду по коридору совершенно один – мои друзья куда-то вдруг пропали... наверное, забыли обо мне...

В мозгах поднялся смерч. Пространство зашумело. Я бегу...

Совершенно-своевременно-случайно я замечаю какое-то движение на дальнем конце тёмного коридора. Там точно кто-то есть.

Ну вот и всё... Мне осталось лишь ждать, когда воронка шторма в моей голове подхватит меня и унесёт из проклятого места.

Они идут прямо ко мне! Они заметили меня...

Тут я понимаю, что это мои друзья.

Мира бросается мне на шею, будто боялась больше никогда меня не увидеть.

– Мы тебя потеряли! – говорит Макс растерянно.

Лучшее успокоительное – улыбка красавицы Кристины. Во всяком случае – никто не понял, что же со мной произошло.

– Может, местный эквивалент Бермудского Треугольника... – глубокомысленно подводит Макс черту, и мы подходим к нужной двери.

Номер 252.

Добрались... Поверхность двери «украшает» надпись.

– Оставь надежду, всяк сюда входящий, – загробным голосом читает Макс.

Смотрит на нас и смеётся.

Он пошутил. На самом деле здесь написано:

Чет веры м отчаянн ым : не бой тесь и в ход ит е.

Что мы и сделали (хоть я протестовал, говоря, что я боюсь – я не пойду).

В комнате этой разве что только поисков чёрной кошки не хватало – так там было темно. И никакого сквозняка – в стекло закрытого окна чернело небо. А обстановка в номере казалась идеальной: ни строительного мусора, ни грязи. Образцовый порядок комнаты указывал на самое недавнее пребывание в ней одного из посетителей гостиницы.

Постоялец, похоже, освободил 252-й пару минут назад.

Всё это «увидел» нам Макс сквозь глаза своей маски.

Кристина утонула в сумерках кровати – легла на спящее {как белый призрак памяти} одеяло. Макс подошёл к письменному столу, а Мира села в кресло рядом.

– Здесь есть микроскопический микроскоп, – Макс начал осмотр. – Он установлен для изучения души... Видимо, так.

– Может, муляж? – тени сомнения внутри вопроса Миры.

– Что? Мини-микроскоп или душа?

Мой же бесцветный вопрос смутно напоминал разговор Ничего с Никем.

– Тут, кажется, Машина Снов, – удивился Макс, показывая на силуэт непонятного ящика у стены. – Такого не может быть... Она ведь существует в единственном экземпляре... и *несуществует* – тоже.

– Может, муляж? – опять Мира.

– Возьмём с собой? – голос Кристины как будто из чужого сна.

– Нет, у нас уже есть одна.

Макс берёт со стола какие-то чёрные листочки – записи загадочного посетителя отеля – и читает нам:

Её телефон получает входящий вызов, когда ей никто не звонит..

В его винампе иногда звучат песни, которых нет на жёстких дисках..

Её изображение на фотках то появляется, то пропадает..

Тембр его голоса меняется как минимум раз в месяц..

Некоторые её сны в точности повторяют прожитый день..

Порой его лицо становится маской, к которой приходится привыкнуть..

Очень часто она не видит предметы красного цвета..

В его доме все часы идут по-разному..

В её доме все часы идут в обратную сторону..

Его крик может быть тише, чем шёпот..

Она меняет имена..

Он всегда забывает дату своей смерти..

Они встретятся?

НикогДА.

Макс вернул один листок на стол, оставив другой для чтения.

Где-то между пустотой и бесконечностью в ночном номере страшного отеля на окраине города мы слушаем его слова:

Твоя самая любимая девушка наконец-то узнаёт о твоём существовании.

Она приводит тебя к себе в квартиру.

Оказывается, у неё есть брат, с которым она общается по телевизору. Он – оживающая картинка мёртвворящего кинескопа.

Твоя самая любимая девушка любит забраться на крышу своего многоэтажного дома (квартира, где она живёт с телебратом, на самом последнем этаже – лоджия в небо, площадка для старта к звёздам), а уже оттуда, закрепив огромную метлу за антенну, спуститься к себе на балкон из стекла, который никогда не бывает закрытым.

Обычно именно так она попадает домой.

Макс закончил читать «отрывки древнего романа». Я и девчонки оглушительно молчали.

Что нам делать дальше? Что из всего **этого** может следовать?

Первым рассёк тишину, конечно же, Макс:

– Я полагаю, номер занимал очень необычный постоялец. – Похоже, наш друг понял именно то, что должен был понять.

Кристина приподняла голову над подушками:

– И какой же?

– ...Настоящий Иисус Христос...

Можно ли верить в нечто подобное?

Я не знал.

Видимо, в тщедушной попытке «проявить» правду я щёлкнул выключателем. Номер 252 вспыхнул непривычным светом. Макс слепо смотрел на меня сквозь чёрные дыры глаз своей маски. От забытого ощущения яркости я прищурился и заморгал.

А через секунду из глубины коридорного лабиринта безжалостный ветер домчал до нас чей-то жутчайший визг, похожий на крик ржавой вороны.

У меня внутри всё превратилось в лёд. Казалось, сердце сейчас треснет.

Девчонки перепугались не меньше моего. Макс, будто бы ожидавший подобных событий, тихо сказал только одно слово:

– Сторож.

Абсолютно растерянный, я покидаю комнату Божьего Сына последним. Проламывая тьму, Макс направляет нас. Я бегу слишком медленно – панический страх «лепит» ступни к полу. Тыкаясь в стены, как тупая игла в железные вены, я успеваю пару раз оглянуться. Сквозь бледную нарезку сквозящего в окна лунного света к нам движется человекоподобное существо, созданное (как мне показалось) из грязных обрывков старой одежды и осколков стекла.

Оно снова «визжит».

Наконец, мы бежим вниз по лестницам – первый этаж, через холл к чёрному ходу. Живая пульпа мусора по-прежнему где-то позади. Пока мы в отеле – она не отстанет.

Макс быстро сворачивает в ресторанное помещение. Держась прямо за Мирой и налетая на столики в полутьме, я понимаю, что страшная тварь гонится именно за мной. Я виноват. Я включил свет.

...Мы мчимся через кухню. Впереди – спасительный выход.

Ещё чуть-чуть... и Макс откроет дверь...

Чёрный ход оказался **ОЧЕНЬ ЧЁРНЫМ**.

Мёртвое пространство бликующего кбсмбса... Холод.

Не успел я сообразить, каким образом нам удалось уйти, как что-то закрылось у меня за спиной. Я резко обернулся: старая дверь отеля казалась запаянной несколько тысяч лет назад.

Мы в безопасности.

Я ужасно устал и чувствовал: сонливость набирает ход. Мира с Кристиной пытались придти в себя после безумного забега. Макс уже снял свою маску.

С небес на нас смотрели звёзды. Никакого тумана, никаких механических гадов, никаких сторожей.

Спокойная ночная тишина.

– Элвис покинул здание... – пошутил Макс, улыбаясь. Его тёмные волосы взмокли от жара под маской, лицо блестело как Луна.

Я спросил: зачем нам было это надо?

Ни зачем, просто сказал Макс, зато теперь мы знаем, что *Он* больше не живёт в отеле «Лёд».

– Иисус Христос? – не поняла Кристина.

Макс не ответил.

Он бодро зашагал к ограде, и мы пошли за ним, вместе покидая это «потустороннее» место.

Ночь завершалась с востока.

«Иисус» номер 3217 подключен и укомплектован.

Аппарат перемещения в сон игрока (которого, кстати, зовут 17ый) набирает амплитуду сигнала. Сейчас произойдёт «захват», тогда реальность для «Иисуса» исказится.

– Только не думайте, будто мы сами не спим, коллега... Мы отличаемся от подопытного материала лишь тем, что не сможем принять участие в Игре.

– Этот, как и другие, станет своим Лазарем после окончания эксперимента?

– Такой момент вполне возможен.

Новый Спаситель уже «исчез»... А 17ый просто видит сон:

Завтра приходит сегодня и ждёт до завтра...

После очередного толчка плечом я оказался на асфальте, раскалённом от полуденного солнца. Упал из последних сил.

На мирно мерцающем небе – ни облачка. А значит, жди дождя.

Отчаянье толпы. Я в её центре. «Иисус» – уже здесь. Он «будит» без разбора: из воображаемого оружия летят невидимые пули. Подстреленные прохожие валятся на тротуар, окропляя его бутфорской кровью.

Силу в себя! Я беспомощно лежу на земле. Практически под баллистическим дождём. Дикая крики, фантомные звуки выстрелов (которых не должно быть слышно), стоны агонизирующих заставляют меня собрать мою мозаику мыслей. Всё это понарошку! Тела убитых медленно испаряются, не остаётся даже крови на асфальте (кто-то включил режим для детей)...

Я смотрю по сторонам и вижу остальных: Макс, Кристина и Мира притаились за углом дома напротив.

Надпись на стене рядом с ними – «**Hell Here**» чёрной краской.

Кристина машет рукой. Манит меня, чтобы спасти.

«Иисус» продолжает бескровное уничтожение. Скорее всего, что всё это сон, электрический транс, в котором я – неглавный герой...

Всё-таки яR поднимаюсь и бегу к своим друзьям. Макс довольно улыбается. Может, его игрок знает лукавый код, не позволяющий бояться никаких последствий?

– Мы поможем ему, – решает Макс.

Поможем отправлять людей из сна в Реальность Игры?! Он и сам, вроде, неплохо справляется...

Макс покидает наше надёжное укрытие, бежит через улицу, стараясь не столкнуться с паникующими. Лучи яркого солнца. Небо: ни облачка.

Мягкий ветерок трепещет на кончиках Мириной причёски. Макс остановился у дерева, в тени. Спрятался за его телом... Демографическая чистка пока не кончена. Все «спящие» должны уйти.

Нам надо добраться до Спасителя. Кто до Него дотронется – тех Он не тронет. «Иисус» замер на месте. Не могу толком рассмотреть, но Он, вроде как, говорит с самим собой. Получает дальнейшие инструкции таким способом?

– Пора! – вдруг говорит Кристина.

Уголки её рта нервно подрагивают. Похоже, она хочет улыбнуться, но ничего не получается. Мира осторожно выглядывает из-за угла. То тут, то там дымят горящие машины. Улица пуста – все люди разбежались. Остался только Он.

Мира глядит на Макса. В его руке что-то блестит.

Маленькое и металлическое...

У меня вспотели ладони, пот капает со лба, руки трясутся, как у законченного алкоголика. Ничтожество пугливое.

Храбрец Макс выходит из-за дерева. Мы трое – из-за спасительного угла.

Нет смысла прятаться. Он всё равно найдёт нас где угодно.

«Христос» стоит к нам спиной. И продолжает говорить с пустотой.

Жаркая дымная улица напоминает адский полигон. Сон Данте.

Человеческий Сын к нам спиной, прямо по центру дороги...

И мы бежим к Нему. Дотронуться, вложить хотя бы пальцы в раны.

Сумасшедшее солнце припекает во всю, ядовитый дым от машин поднимается вверх чёрными смерчами. В сонном пространстве происходит что-то случайное – «Иисус» поворачивается к нам. Механический холод взгляда Мессии. Спокойный, словно мертвец, Он стреляет в нашу сторону.

Невидимый полёт пули-ноля...

Неслышимая тишина второго выстрела...

Кристина исчезает прямо на глазах. Он «разбудил» – её игра закончилась...

Христос пытается перезарядить оружие воображения. Вот тут-то к нему и подбегает Макс. Лихой прыжок – и он врезается в «Христа», оба падают на горячий асфальт.

Иисус покорно раскинул руки в стороны. У Макса в руке что-то блестит.

Это крестик. Маленькое распятие.

Макс проворно прикладывает его ко лбу Спасителя.

Я разбудил мир? неслышно шепчет Божий Сын [за номером 3217].

Кровь течёт по рукам, бороде и щекам... Стигматы плавятся тьмой. «Если бы вы были от мира, то мир любил бы своё; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, то ненавидит вас мир...»

Он умирает. Макс сел с ним рядом, тяжело вздохнул. Жаркий воздух... Растерянная Мира смотрит сначала на меня, затем – на него. Ветер бесшумно растворяет дым... Молнии сверкают повсюду.

Пошёл серый дождь. А на небе – ни облачка.

Меня зовут «мертвец».

Я прибуду к *ним* сегодня, как только ночь настанет...

Путешествие на другой конец Тьмы.

Я оживлён, лишённый сна, закрыт в чужом сознании, я буду множиться бесчисленностью зла, дождливым днём воспоминаний.

Он бесшумно проходит в комнату без окон (пустые стены, пол и потолок).

Старый серый костюм с огнём в петлице, золотая лента чёрной шляпы, туфли, слишком поношенные для некогда представительной персоны.

Шуршание прощального песка по потолку. Сквозняк пустого взгляда.

– Что живому хорошо, то мёртвому – смерть.

Но, может, он ещё увидит свет. В потустороннем ящике [что именуют гробом] сегодня будет пусто...

Моя цена победы над собой – уродливое поражение.

Я каждый ваш космический/земной отец. Я каждый ваш глоток Пустыни.

Самодовольный, он выходит вон. И вновь её задумчивый вопрос:

– А правда, что эксгибиционистов голыми хоронят?

Ни раз не повторяется повтор. Не раз приходит чей-то голос.

Чужеродная улыбка счастья на сером лице инопланетянина.

Вечный ветер со стороны египетских гробниц.

Покойник вышел ночью на прогулку.

Забытый в древности двойник Христа.

Живой и мёртвый. Лазарь.

.Дуалит.

Меня однажды бабушка перевела через дорогу, говорю я.

Макс ухмыляется. Мира сидит рядом с ним на диванчике. Мы – в квартире Макса. Сейчас: сумерки вокруг нас. Скоро совсем темно станет...

Давно «системных сбоев» не было, зачем-то произносит Мира.

{ Абсолютно идентичные аварии совершенно одинаковых машин с разными номерами; одна и та же песня по телевизору и радиоприёмнику в одно и то же время; одинаковые чувства очень разных людей при просмотре очень разных фильмов одного режиссёра; звонки по телефону с того света; приобретённые в процессе покупки наркотические качества совершенно ненаркотических препаратов; и прочие (по словам Макса) «падения↔сов» }:

Глаза Миры, как у девочек в японских мультиках. Большие и красивые, словно всегда влюблённые в собственное сияние.

Прямо сейчас, внутри молодой темноты ночи, хлынувшей в квартиру через балкон, она то и дело поглядывает на меня.

– Это всё не я/ Это всё не я/ Как я мог жить лишь без тебя... – мягко напевает Макс как будто только для себя.

Я подхожу к шкафу |там на открытой полке лежит стопка листов, сшитых жёлтой ниткой|. Это сценарий Макса. Его «бесценная» рукопись.

Читать её тяжело – у автора почерк ужасный. Крупные, некрасивые буквы обведены несколько раз в разных местах текста.

Я открываю 16-ую страницу. Макс с интересом наблюдает за мной.

Поворачиваю книгу куда-то к тебе, чтобы можно было видеть хотя бы это:

Прямое попадание в Нирвану. Дотяни до тени. Все пятна вины. Ступаешь тоскливо – внутри за пределами мира. За тобой не следят дыры глаз бесконечной тоски. Он поднимает голову. Стигматы смотрят тьмой. Спокойным взглядом мертвеца глядит на своих мучителей.

К голгофе слетаются тучи... ЧеловЕЧество изначально настроено планета Вавилонской башни. Синий винил нашей вены породил силой своего БОЛЬНОГО психовство. . .

С трудом прочитав это во тьме, я смотрю на автора. Он смеётся.

Понравилось, спрашивает.

О чём книга, отвечаю я вопросом.

Ни о чём, поясняет Макс. Там говорится, что жизнь – это память. Все её события и моменты – воспоминания перед смертью. А когда они заканчиваются, ты становишься свободным, снова попадая в Ничто.

А если ты в этих «воспоминаниях» теряешь память, спрашиваю.

Всё равно это твои воспоминания... Ты помнишь потерю памяти, говорит Макс. А ещё что там? интересуюсь я. Роман-сценарий покоится у меня в руках. Там есть Храм Проклятых, серийные убийцы, подопытные клоны Спасителя, правое окно слева, крах всей системы, Армагеддон и сам Иисус Христос, объясняет Макс (по-моему, он вспомнил только малую часть).

Мира говорит: и как же ты её назвал?

Я долго смотрю на титульный лист и, наконец, читаю: «Тот – Темнота».

Мира уходит на балкон поговорить с луной, а Макс достаёт сигарету из кармана клетчатой рубашки, надетой поверх зелёной футболки с длинным рукавом и надписью «ненавижу всё», вживлённую на грудь.

Закуривает. И говорит мне:

– Спиши немедленно фразу «Спеши медленно».

После «смерти» Кристины (сердце, освобождённое из плена грудной клетки) он побрился наголо. Переживает, что ли? Непохоже на него...

Я положил роман на место. Тут же лежали аудиокассеты: Slipknot, КоЯн, Prodigy, SOAD, Amatory, Биопсихоз, Mudvayne, Crossbreed, Black Sabbath, Dry Kill Logic, Judas Priest, Disturbed, Demon Hunter, Motograter, Stone Sour и Sevendust.

Кто больше нравится? Спрашиваю. Макс затаился, задумался.

Да в целом – все эти группы... под них хотя бы не уснёшь, говорит он, окружённый дымом. Тогда я отворяю дверцу шкафа. Внутри клубится тусклый жёлтый свет, такой, что видишь стопки видеокассет и дисков. Культавуха, как Макс их называет. Его лучшая коллекция фильмов: Бойцовая рыбка, Земля, Видеодром, Малхолланд драйв, Безумный Макс 2, Идентификация, Коровы, Помни, Выход, На игле, Быть Джоном Малковичем, Реконструкция, Титаник, Матрица, Dante's Inferno, Дьявол и госпожа «Д», Богиня: как я полюбила, Изгоняющий дьявола, Видок, Pulp Fiction, Se7en, Кафка, Сталкер, Машинист, Old Boy, Пьянь, Нечто, Список Шиндлера, Страх и ненависть в Лас-Вегасе, Слон, Бешенные псы, Человек-слон, Шоссе в никуда, From Dusk Till Dawn, Песни со второго этажа, Бойцовский клуб, 21 грамм,

9 с половиной недель, 9 жизней Томаса Каца, Рыжая белка, Молчание ягнят, Прирождённые убийцы, Summer of Sam, Сердце ангела, Достучаться до небес, Shutter Island, Донни Дарко, Inception, Престиж, Apocalypse...

Мира заходит в комнату (за ней опять сочится темень). Луна уже повернулась боком, оставляя свой полумесяц. Он виден хорошо

через окно. Я же вижу три книги на слабоосвещённой полке.

Лотреамон, Рембо, Бодлер... Смотрю последний раз и закрываю шкаф.

Макс бросил окурок на пол. Наша «девушка-снег» нежно погладила его по лысой голове и улыбнулась мне. Кажется, Мира меня любит.

Макс идёт на кухню поставить чайник.

Я хочу сказать Мире что-то очень важное. Кто же мной сейчас-то играет?

Какая-нибудь девчонка... Люди постарше меня не выбирают никогда. Крутые парни тоже не любят таких персонажей прохождения. Может, девушкам хоть нравлюсь? В качестве игрока.

Разумеется, в голову мне ничего не приходит. «Новых сообщений нет».

Я просто смотрю на её ноги, грудь, шею, лицо... Всё в Мире красиво.

Она смотрит мне в глаза так, что во внутренней палате Дурдома НеБытьЯ менR сразу навешает мысль: я могу видеть звуки и читать мысли...

Пошли пить чай, просто говорит Мира. Скоро кто-то придёт.

Я знаю точно, что она права.

Бывает, к нам заходят ночные гости. Всегда разные (но одинаковые по структуре элементов).

Мы с Мирой идём на кухню. Там, прислонившись к подоконнику, Макс снова курит. Дым липнет темнотой вокруг него. А на столе – четыре кружки с чаем и пятая, пустая... Для Кристины.

Я хочу узнать, который час. 22:30? Полночь? 2 ночи?

У Макса все часы идут по-разному. Всё неправильно.

Звонок в дверь.

Мы идём открывать. Темнота – за нами. Открыли. Темнота тут как тут.

А с ней – очередной гость. Не нашедший покой.

«Мертвец».

Старик, когда был молод, задумал написать роман. Бессмертную книгу человечества, которая смогла бы отразить всё то, чего не сделал Бог.

В год Старик писал по одной странице. Всего их вышло 66.

На эту «вечную книгу» он потратил всю свою жизнь, и не было для него ничего дороже. А когда захотел Старик дать её кому-нибудь прочесть, то понял – нет у него никого. Только книга.

Тогда он сел у зеркала и прочёл её самому себе.

И умер от сердечного приступа.

В последствии его «самый важный» роман опубликовали с трагической историей жизни (и смерти) автора в предисловии.

Книгу Старика прочли миллионы...

Быть может, в ней написано про пятерых друзей: трёх девушек и двух парней, которые не живут, а «играют». Но постепенно они выходят из Игры.

А игра такая, что даже если пройдёшь её до конца, она не закончится.

Из выше сказанного вытекает ниже сказанное:

Мы все во сне играем своими жизнями...

А мы-то, кстати, сейчас что делаем? Спрашиваю я.

Мира пристально смотрит на замолчавшего Макса. Тот проводит ладонью по своей голове. И что-то отвечает мне. Вообще, он, по-моему, прекрасно видит, что из-за странного шума в ушах я ничего не услышал.

Макс улыбнулся, слегка прищурил глаза. Не хочется мне его переспрашивать. Я говорю: я иду спать. Кто со мной?

Мира говорит: ладно, пойдём заниматься сном...

Макс вынимает из пачки новую сигарету. Весёлый танец огонька зажигалки на фоне полумесяца Луны. Слиянье с кончиком. Табачный дым.

Макс полон всяких историй.

Он считает, что ВСЯ история основана на реальных событиях... Но здесь мой {С}О{Н}: Ты с твоим глупым, но понимаемым всеми, другом идёте в заброшенный Богом зал спорта и мужества, где при помощи неведомой и абсолютно никем не управляемой силы скрепок между мирами распороли(ли) дверь в соседний бардак.

Миазмы пространства. Из коих в нашу среду прорвалась какая-то гадость.

И мерзкие твари смешались с людьми.

Вы (ты с твоим другом), чтоб не стареть с каждой звездой, сначала затеяли матч по футболу по всему, поросшему шипами и черто(пере)полохом, периметру зала. Играли с какими-то девками.

Они все синхронно разделись и удалились одеваться в раздевалку. Ты и твой хренеющий друг прошли в коридор, где толкучка волнующихся решала, что теперь делать. Довольно жарко и томно, и только ваш старый знакомый был в тёплой одежде. Чтоб соответствовать жару, он поместил на себя женскую шубу, такую же шапку, а на ноги вздёрнул сандалю и тапок в виде кровати.

Вы пообщались, вы подождали, а очередь всё же решила, кто будет решать, как миру жить дальше.

Какой-то мужик просто вытянул в потолок руку и крикнул:

– Я главный! Теперь я всем буду!

А вы с твоим другом прошли мимо задавленных лифтов, разрезали бумажную дверь на этаж и стали спускаться (но вниз подниматься) по всхлипам трёхмернорисованных лестниц.

Раздвоенный вид окон искажал чей-то город снаружи.

Вы внутри. Идёте мимо прозрачности стекла на звуки призрачного мира, проклятьем скованного уже как несколько минут. По чьей вине такое вдруг случилось? Молчит твой глупый друг в ответ на голос ниоткуда.

Внезапно плавится стекло и с визгом рвётся громкость пустоты – а ниже этажом уже пылает огненная тварь из Пекла, похожая на твоего собрата по вечности конца как капли две колодезной воды.

Вот эта тварь и твой не храбрый друг так увлекательно орут дуэтом, что тебе сразу становится ясно примерно следующее:

ВАМ ПОРА СВАЛИВАТЬ ВСЁ НА ДРУГИХ...

Или хотя бы переладить со всех одушевлённых предметов ваши отпечатки пальцев правой руки на левую.

Адская тварь не живёт и не ждёт – летит через пролёт, пылая жаром.

В общем, она гоняется за вами по всем лестницам сразу, но с некоторым холодком по отношению к вам (видимо, не очень хочет пачкаться о парочку уродов). Из темноты презентуют секаторы и ножницы и бензопилы, но вы с идиотом-другом отказываетесь принять подарки помощи, в силу быстроты движения по ступенькам вы просто не успеваете их взять.

Пылающая тварь всё ближе держится вдали.

Одна из девушек-близнецов-тройняшек, поджидающих кого-то из демонов памяти на этаже, выполненном под осеннее кладбище ночью, прицельно указывает в преображение жгу-

чей inferнальной твари, прискорбно опадавшей ворохом листвы у встретившейся на пути могилы.

Твой туповатый друг и ты благодарите трёх близняшек и приспускаете себя по лестницам всё ниже ничего.

Ты у дверей на улицу один. Протиснувшись вдоль двойственности темноты через кубическую группу входа, ты выбираешься на свет, которому, возможно, скажут «НЕТ», и очень скоро.

Какой-то сумасшедший бомж, сидящий на асфальте рядом с дверью, глядит тебе в глаза и тяжело предлагает выпить.

В столь ясный тёплый день планетой овладело беспокойство.

Когда конец? – смешной вопрос из зала.

Бомж игнорирует тебя, ты игнорируешь бомжа, все неотступно ожидают быстрой смерти мира. Концовка будет сладкой и красивой, ты внемлешь ей, но...

Он, твой бестолковый друг, вышедший сквозь чёрно-белый вход, вступил в случайный разговор со странными любителями вспышек и договорился спасти планету (или хотя бы Вселенную) с помощью краски.

Апокалипси(хи)ческий беспредел нарастал, улицы наполнялись безумцами, желавшими не быть собой, случись Последнее Прощанье.

А вы: две сущности пространства: ты и твой лучший друг направились к закату изменений мира краской.

Макс, Мира и я резво выбегаем из городской психушки.

Туда легко попасть, но трудно выйти (только не нам)...

Мы втроём «влезли» туда пару минут назад, постояли в холле, будто в новом доме осматривались, а дальше подошли к регистратуре. Макс попросил определить нас здесь до истечения бесконечности, а «лучше – ещё на большее отсутствие времени».

Приёмная медсестра поглядела на нас как на психов.

Затем спросила «Зачем?»

– А может, мы – самые лучшие сумасшедшие... – убеждал её Макс.

Для окончательного завершения уговоров Мира дала регистраторше хорошенько меня рассмотреть (я как раз надел свою маску: кривую кожаную рожу со змеями шнурков вместо волос).

Не помогло. Психушка оказалась переполнена.

Нас выпустили, так и не приняв.

– На свободе! Наконец-то! – весело орёт Макс на всю улицу.

Ошарашенные прохожие останавливаются, оборачиваются, утыкают в нас свои зрачки безумных глаз. Мира дико хихикает им в ответ, а я бегу прочь от психбольницы, по-дурачки раскинув руки в стороны. Макс тоже бежит, но болтая руками так, словно взлететь не может. Мира с чужой фамилией наперевес преследует нас в образе злобной врачихи.

Это (как бы) настоящая свобода. Мы делаем, что хотим...

Ещё мы побегали по простым больницам, пугая персонал и посетителей. Просили там телефон, чтобы «выбраться из матрицы». Нам отвечали смущённо-недоверчивым молчаньем.

Зато нам удалось встретить Выключателя. Этот тип разгуливает в белоснежном халате, притворяясь высококлассным врачом, заходит в палаты коматозных больных, чтобы отключить «механическим растениям» приборы их жизни. Короче, ходит и вырубает людей из розетки.

Дальше мы опять шли по летней улице.

Жаркую синеву неба резали золотые лучи.

Оценка погодных условий от Макса: солнце работает во всю.

На Максе, кстати, лёгкая спецовка-комбинезон. В ней он выглядит как космонавт с Луны, выпавший из пули корабля при приземлении.

У торгового центра (вселенной) мы заметили парнишку лет пяти. Он очень настойчиво просил огонька. В руках вертел сигарету. Все мимо него проходили, держа в руках свои покупки.

Какой-то дед тоже заметил мальчика.

– Идиот малолетний! Ты же подохнешь, тварь! – отчитал он «младенца».

А спички всё-таки дал. Малец неумело закурил, втягивая пары ядовитого счастья. Дед пошёл своей дорогой, мальчуган – своей, а мы зашли в магазин.

Товарно-денежный Рай. Всё, что вашей душе угодно! От зубочисток и туалетной бумаги до телевизора величиной со шкаф.

После долгих прогулок кругами я пробрался в «продуктовый» отсек. Остановился у одного интересного отдела, который почему-то пустовал.

Мира подходит ко мне будто из самого Ниоткуда. Она же была в секции видеоодежды (по-моему, стащила оттуда новые вещи).

Теперь на Мире: синие кроссовки, чёрные джинсы, белая футболка и чёрная курточка. Спереди по футболке размазано кроваво-красное пятно, которое никогда не высыхает.

– Какой выбор товара! – восхищённо произносит она и хитро на меня косится. Перед нами – абсолютно пустые полки. Отдел не работает.

Мира улыбается, и я тоже. К нам не торопясь подходит Макс, катя перед собой ржавую тележку. На дне тележки лежит прозрачный пакетик с надписью «чипсы со вкусом таблеток», а в нём находится что-то тёмно-коричневое. Это дерьмо... Я оглядываю полки других продуктовых отделов.

Чёрная плитка под ногами покупателей. Белый пластик над их головами.

А на прилавках – фекалии, завёрнутые в пакеты, упакованные в красочные коробочки и обёртки. Кое-где видна блевотина. В бутылках – урина.

– Интересно, правда? – говорит Макс и ухмыляется мне.

Мира перекладывает пакетик «чипсов» на прилавок пустого отдела, после чего советует Максиму забраться в тележку. Тот усаживается в этот «железный гроб», и мы с Мирой катим его к кассам. По дороге я успеваю услышать выражение «Дурдом на выезде!», метко брошенное в нашу сторону.

Охранники у касс чуть было не стреляют в нас, но смешливые кассирши наперебой вымаливают нам прощенье. Макс, правда, отказывается покидать сектор («пока его не выкупят друзья») и, пытаясь влезть на «кассовый подиум», требует, чтоб его «оценили».

Вместо этого Макса вежливо выпроваживают вон.

– Своей же яростью себя вы проклянёте... – не расплескав достоинства, охранникам чеканит он.

Мы поднимаемся на второй этаж. Там продают игрушки, часы, ювелирные изделия, сотовые телефоны, постельные принадлежности, сантехнику и прочее. Самые необходимые вещи первостепенной важности.

Всё, сколько бы оно не стоило, покрывается пылью, говорит Макс, пока идём по лабиринту торговли. Заходим в отдел со шмотками. Распродажа. Много людей. Все – выбирают, примеряют, покупают. Распродажа...

Мира проскальзывает в свободную примерочную (кабинка-раздевалка в виде трупешка). Я и Макс – за ней следом. Тесновато втроём.

Мы притворяемся манекенами (очень талантливо), когда в примерочную хочет войти покупатель – женщина, наверняка, с распространённым именем... Мы удивляем её своим существованием. После этого момента времени игры Мира невозмутимо подходит к старшему продавцу и говорит:

– Здравствуйте, арестуйте меня...

Приобретя себе отличное настроенье, мы покидаем торговый центр.

Идём по городу и веселимся, вспоминая, что мы ещё могли бы сделать.

В маске мне становится жарко не только от взглядов прохожих. Но я не смогу её снять. Для этого нужно вернуться в квартиру Макса и посмотреться в зеркало в прихожей. Издалека Мира замечает роскошную брюнетку, раздетую в короткое платье. Красотка, явно привыкшая к восторженным выстрелам глаз и, конечно же, отлично знавшая себе цену, граци(гранди)озно вышагивает нам на встречу. Когда мы поравнялись, Мира шлёпнула брюнетку по заднице. Та остановилась, растеряно открыла рот, уставилась на Миру (взгляд из-под тёмных очков, подходящий для ситуации «красавица и психи»). Мира внимательно изучила все нервные окончания реакции девушки, а потом вкрадчиво предложила:

– Выходи за меня...

Резко развернувшись на шпильках, красотка зашагала прочь.

Приятно наблюдать даже за тем, как она уходит.

– А мне она понравилась, – сказал Макс весело. – Сексуальные губы...

Мира, решив поправить мне маску, произнесла примерно это:

– Молодой писатель жил в вагончике посреди поля. Бесконечное восемь (Забыл, как забывать... Теперь я помню вечно.) Бессердечная осень...

Когда он выходил за пределы своего романа, то прогуливался до берега реки, с наслаждением цитируя про себя полёты мёртвых листьев. Деревьев не было на тысячи шагов вокруг (по всей видимости, палая листва попадала сюда с планеты другого фильма).

Никакой живности, никаких людей. Бескрайнее поле одинокого разума.

– Этот пришёл. Весь смеётся... (Писатель то и дело слышал чей-то голос, так что проблем с собеседником у него не возникало.)

Ведро воды (как будто слёзы снега). Постоять на берегу (передышка перед возвращением), немного поглядеть твой сон сквозь отражения в реке.

И назад – за работу.

Роман, надо признать, продвигался долго. (Постоянно влезал образ Адского Купидона – демона в маске сварщика с рогами, который всячески отвлекал писателя). Купидон пробовал приварить героев книги друг к другу так, чтобы они даже умирать вместе пытались. В ответ на эту подлость писатель плескал водой в металлическое лицо маски Купидона, чем и спасал неспешное продвижение сюжета (Адский ненавидел воду).

Однажды литературный жилец вагончика, мучимый скукой, попробовал раздвоить свою сущность, но ничего не вышло (снова появился Купидон и бесцеремонно нарушил процесс). Писатель обсудил свою неудачу с голосом невидимого собеседника, после чего лёг спать (а во сне закончил долгий роман).

Никому (кроме него) не понравилась книга. (Он выбросил её в поле.)

Сухие слезинки дождя – и она проросла. Молодой писатель стал заботиться о странном растении. Отныне ведро воды делилось на троих: росток, он сам и Купидон. А время дальше шло – Так вырос клён.

Когда была гроза, не молнии боялось дерево, а грома. В такие беспокойные моменты писатель на пару с голосом уговаривали клён укрыться в вагончике (страшась воды с небес Купидон не посмел бы заварить дверь).

Угроза миновала, и клён возвращался на место. В осень.

Из-за «инопланетных» листьев книжное дерево не оставалось облетевшим. Никогда.

Писатель же, смотря твой сон, стал собирать (как зёрнышки) характеры других героев...

«к» ни «г», а самая последняя буква...

Через полчаса мы добрались до здания городской библиотеки.

Макс идёт первым, мы с Мирой следуем за ним. В огромном холле слишком пусто. Прошли по «книжным» этажам и залам – никого...

Мира берёт с ближайшего стеллажа какую-то книгу в белой обложке. Долго листает её, потом ставит на место. Оказывается вся книжка состоит из повторения одной страницы. На всех листах отрывок одного и того же текста.

– Зато легко прослеживается основная мысль, – смеётся Макс.

Мира ради интереса берёт другую белую книгу и принимается читать вслух самую первую страницу:

Блондиночка + Я... Полярные поляны снега.

Мы шагали вне бури и даже не хотели замечать, что она внезапно прошла мимо нас – навсегда... Ледяные осколки (как зубья пилы) торчат из промёрзших деревьев. Спокойное небо, мерцающий снег так похож на бледные листья бумаги. Блондиночка листает свой чёрный блокнот, глядит на часы. Время (обеда) закончилось. В кафе почти никого: пара покойников, священник и я... Она убирает в сумку блокнот и быстро шагает к выходу мимо меня, даже не захотев заметить шикарную фотографию ледяной бури, которая до сих пор висит у меня за спиной... Я встаю со своего места, иду к этой фотке и выключаю изображение в рамке – навсегда(?)

Выйдя из кафе, Блондиночка спешит по коридору к лифтам. Один короткий взгляд в иллюминатор – и ей сразу ясно: дирижабль уже набрал высоту... Скорее в лифт! Она успевает в самый предпоследний момент перед тем, как я чуть было не закрыл двери лёгким нажатием кнопки.

Блондиночка вежливо улыбается, едва посмотрев в мою сторону... Мы очень молча едем на нижний уровень «Туманного Сна» (такое имя дали нашему дирижаблю несколько тысяч лет тому сейчас)...

Только я решился сказать ей хоть что-нибудь – двери лифта открылись. Вот я смотрю, как она (без единого намёка на мысли обо мне) быстро уходит вдаль коридора...

Блондиночка – Я... Мягкий песок океанского пляжа. На ней удобный купальник чёрно-небесного цвета. Она с интересом читает статью о бесследном исчезновении самого старого дирижабля планеты, а склонённые пальмы словно заглядывают ей через плечо, пытаясь узнать – что же там пишут в этой газете...

Чешую и рыбы внутренности я завернул в газету, покинув свою ещё не обжитую комнатушку, пошёл выбрасывать в мусоропровод (чтоб не копить эту мерзость в помойном ведре)... Блондиночка спускается по лестнице мне навстречу: на ней зелёный дождевик (ведь на улице осень и дождь)... Она неловко задевает меня локтем, беспардонно выбив свёрток из моих рук – фарфоровый букет цветов в виде бутылки дешёвого вина, обернутый подарочной бумагой – падает куда-то вниз и разбивается о ступеньки...

Блондиночка ± Я... Огненный смерч палой листвы гаснет на дне весеннего ручейка. Умирающий снег без возврата тает под ласковым солнцем. На деревьях воскреснет листва...

Блондиночка ждёт меня за нашим любимым столиком в полупустом кафе.

Ей не нужны цветы, какие-то подарки... Ей нужен только я – навсегда.

Блондиночка смотрит на весну за окном и с волнением ждёт, когда я приду... Она хочет сказать мне, что любит (очень сильно любит) одного лишь меня, и никто ей больше не нужен...

Она заказывает ещё кофе (а позже ей придётся повторить свой заказ несколько раз)... Потому, что я так и не приду.

Я – мягкий песок океанского пляжа...

Я – огненный смерч палой листвы...

Я – поле полярного снега...

Блондиночка смотрит через весну за окном (и больше не ждёт).

Медленно, но без сожалений, вычеркнув моё имя, она закрывает свой чёрный блокнот...

Ледяные зубы пилы изображение в рамке лифт набрал высоту туманного сна тысяч лет без намёка удобный купальник пытаюсь узнать рыбы внутренности обёрнутый подарочной бумагой гаснет на дне в полупустом кафе...

Блондиночка глядит на часы.

Время закончилось.

Эхо хлопка закрытой обложки.

– Добро пожаловать в нормальный мир, – а это голос Макса.

То есть – всё то же. Мира швыряет книгу в другой конец зала, та бьётся о самую дальнюю полку, задевает другую книгу, и обе они падают вниз, раскрывшись на разных одинаковых страницах.

Теперь мы замечаем, что на каждом стеллаже стоят эти белые близнецы-книги. И все страницы в них, как одна единственная...

Уже на улице нас застаёт летний дождик. Туч почти нет, солнце по-прежнему светит. Идём дальше в глубь города, и дождь заканчивается.

На асфальте у крыльца аптеки лежит пожилой мужчина. Редкие седые волосы спадают на пожелтевший лоб. Потёртый пиджак выгодно дополняет драные брюки. Старик закрыл глаза. Он как-то тяжело дышит.

Неужели умирает...?

Макс говорит: когда же *я* в гробу валяться буду?

Посетители аптеки осторожно перешагивают через старика, больше стараясь не испачкаться, чем не навредить. И вот неожиданное спасенье! «Скорая помощь» медленно катится в направлении дышащего пенсионера. Сейчас они ему помогут...

«Скорая помощь» неспешно проезжает мимо.

Мира робко склоняется над стариком. Вам плохо? Спрашивает она.

Тот просто пьян. Ему хорошо... Он пытается лапнуть Миру за грудь, но девушка вовремя отстраняется.

Со странным ощущением неприятной раздвоенности внутри мы уходим и не можем слышать, что говорит старый алкаш нам вдогонку...

Из ближайшего видеомагазина Макс вышел далеко не с пустыми руками.

Он «даром купил» несколько фильмов: «Тариф на лунный свет», «Безумно влюблённые» и «Амели».

– Отличный выбор, – сообщаю я Макс, вынимая из кармана плотно свёрнутый чёрный пакет. Сумка Персея.

– Да... «Амели» специально взял. Всё никак не мог досмотреть...

Мира конфисковала у него «награбленное» и, положив кассеты в пакет, вручила их мне.

Мира стоит около прилавка с мороженым внутри круглосуточного магазина с нарушенной перспективой. Я наблюдаю за ней с улицы через зеленоватое стекло витрины. Отсюда пространство торгового зала напоминает каменные кишки. Вот Макс указывает мне на странного парня, у которого на футболке надпись «Все красотки – проститутки». Он специально выпячивает грудь, чтобы покрасоваться своей надписью (ведь сам пришёл к этой мысли).

– Нет, – улыбается Макс. – Голоса подсказали.

Между тем, этот парень приблизился к Мире и робко у неё спросил:

– Скажите, у Вас любви со мной не будет?

Красотка Мира пообещала ему «ночь горячей любви» в обмен на его дрянную футболку.

Парень мужественно отказался.

В это время я и Макс заходим в магазин, нагло хватаем Миру за руки и тащим к выходу. Она сопротивляется, кричит, зовёт на помощь и начинает пинаться, пару раз больно попав мне по щиколотке. Покупатели, продавцы и даже сонный охранник – все *равнодушно* (не без интереса) смотрят за сценой дерзкого похищения. Мы выволакиваем Миру из магазина. Ведём

её до ближайшего поворота во двор, там останавливаемся и смеёмся как сумасшедшие. Социальный эксперимент окончен.

Неподалёку расположена школа, главная гордость которой – слово FU2K, высеченное на дверях помадой. В итоге Макс с Мирой, представившись студентами психологического факультета, провели у восьмиклассников крайне интересный урок шизофрении на примере человека, носящего вместо лица уродскую маску.

То есть – на примере меня.

Могу только добавить, что детям мы, вроде, понравились. Все девочки класса захотели поближе познакомиться с Максом, а мальчики, конечно же, с Мирой. На меня им было в общем-то наплевать, но я не обиделся. Дети...

Звонок прозвенел, и мы покинули школу.

Проходим пару кварталов, потом ещё пару...

К вечеру мы случайно встретили Человека, Который Всех Знает.

«Идёшь ты и смотришь: этого вчера видел, эту вижу опять...»

Он был простым бродягой и говорил бичеватым голосом. Зелёно-ветхое пальто, спутанные волосы (длинные пряди грязи из-под шапки), тёмно-серая борода, будто трава на могиле; рваные чёрные брюки, свитер как капкан для призрака, изношенно-драные ботинки и груды пожитков, которые он таскал с собой в тележке из супермаркета.

Мы поприветствовали его, а он сказал, что знает нас.

«Возненавидь дальнего своего как самого себя...»

Который Всех любезно согласился пройтись с нами немного.

Макс спросил: тебе трудно смириться с тем, что ты знаешь каждого в мире?

– Нет, – ответил ему Человек. – Труднее всего принять Знание о тех, кого никогда не узнаешь... Они мертвы, либо не родились.

Мы попрощались, и он покатил свою тележку куда-то ещё...

На серой стене дома висел таксофон.

{ 12-97-24-99 – звони сюда по этим цифрам }

Он покорно врос в свой красный ободок.

Люди используют такие вещи для общения друг с другом.

Макс снял с рычага трубку и положил на прямоугольный корпус аппарата.

Мы пошли дальше, вниз по оживлённой улице.

– Зачем ты это делаешь? – интерес вопроса Миры.

Макс ответил: люди многого не видят. И не слышат. Так у них хотя бы может возникнуть вопрос – кто это делает? Зачем? Почему снимает трубки уличных телефонов? Кто-то невидимый, в их понимании вообще несуществующий... Люди хотят вернуть всё назад. На прежнее место, проявляя негатив равнодушия ко всему. Стоит только прислушаться, как сразу становится ясно: что-то не в порядке. Тогда они могут отбросить своё безразличие к происходящему помимо их жизни. Наконец у них появляется возможность прислушаться к самим себе по настоящему.

Но не многие возвращают трубку обратно на рычаг...

Имеющий уши да услышит, говорит Макс.

Мира понимающе на него смотрит. Я же не понял вообще ничего.

Спрашиваю: кстати, как заканчивается твоя книга?

Он весело глядит мне в глаза и говорит: хорошо... все умирают.

Сегодня мы играем в гости.

Основная задача: зайти домой к незнакомому человеку (при условии, что он сам нас впустит) и провести с ним какое-то время.

Ради такого случая Мира надела чёрное подвенечное платье в обтяжку.

Макс нарядился в свой комбинезон и раскрасил лицо «под вокалиста своей любимой группы», а мне ничего не оставалось кроме кривой кожаной рожи со змеями шнурков вместо волос (то есть – моей маски).

Мы покинули квартиру Макса. Игра началась.

...В много-многоэтажном доме № 18 на соседней улице во всех квартирах живёт одна и та же старушка. У неё фиолетовые очки в форме двух кошачьих голов, за которыми совсем не видно глаз... Она нас так и непустила.

...Но нам удалось погостить у старого учителя, давно вышедшего на пенсию. Поначалу он принял нас за свои галлюцинации (о чём сразу себе и сообщил), а когда мы представились «командой экзорцистов», пригласил в квартиру. Скромная обстановка, множество книг, серая кошка на подоконнике (Макс деловито стал расспрашивать её про местных демонов и злобных духов, пожилой же хозяин жилища заметил, что «кроме соседей – таких здесь нет»).

– Всё нужно проверить, – строго вымолвил Макс и начал бить по батарее.

Мира обошла все комнаты с церковной свечкой (которую забыла поджечь).

А мне досталось внимательное изучение всех зеркал и ванной.

Макс проверил чёрные дыры вентиляции. Старый учитель наблюдал за нашими действиями с таким видом, что становилось ясно – в роду у него имелись психи.

После окончания «обрядов» Макс заверил хозяина помещений в необходимости провести нам троем ночь в «этой дьявольской утробе».

Ответом старика стало полное выдворение нас из квартиры.

...На Горькой улице мы заметили небольшой частный дом с постоянно горящей крышей. Но заходить почему-то не решились.

...Дверь под номером 96 открыла девчонка лет 13-ти. Мы представили себя как продавцов наслаждений. Мира показала ей пакетик с аскофеном, а Макс сказал: если принять эти таблетки, акт сновидений может длиться два года.

Девочка красиво улыбнулась, но промолчала. Пока она строила глазки Макс, из глубины квартиры вышел страшный дядька и поинтересовался целью нашего прихода.

Блондинка в чёрном Мира ему всё популярно объяснила.

– Всем спасибо, все свободны, – сказал он таким тоном, словно имел в виду: все живые, все подохнут. И закрыл дверь.

...К вечеру мы вернулись домой. Сегодня мы играли в гости.

Мы решили снимать фильм

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.